

Лука Иљин

Иллирика

Лука Ильин

Иллика

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43619356

ISBN 9785005024244

Аннотация

Вы никогда не задумывались о том, каким бы был мир без женщин и как бы они могли исчезнуть? В этой книге я постарался пофантазировать и выдвинул свою теорию. Надеюсь, тебе понравится, мой дорогой Читатель. Приятного чтения. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	18
Глава 3	28
Глава 4	39
Глава 5	49
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Иллирика

Лука Ильин

© Лука Ильин, 2019

ISBN 978-5-0050-2424-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лука Ильин.

Иллирика.

Повесть.

Вступление.

2102 г., Аделаида пережила третью мировую войну, что является настоящим подвигом для такого государства. Своими размерами они не могла похвастаться, да впрочем, она вообще ничем не могла выделиться на фоне других государств, за исключением небольшого количества нефти в своих скромных месторождениях, но все же она выжила, и это было бесспорно чудом.

Осталось лишь три страны, это София, Виктория и Аделаида. Раньше они имели другие имена, но от них ничего не осталось, они не так важны. Люди решили назвать страны, не основываясь на политических достоинствах и на природ-

ных составляющих того или иного государства. Они называли их женскими именами, ведь ничто не может звучать красивее, чем имя прекрасной представительницы противоположного пола. Если человека бы спросили, знает ли он о существовании вечного двигателя? Он, скорее всего, ответил бы: «Нет, но он точно существовал до войны». Сказав это, он даже не понял бы, что вся наша жизнь двигается только из-за попытки добиться взаимной симпатии той или иной женщины. Каждый из нас лишь крохотная шестеренка в этом большом механизме. Шестеренки двигает только энергия, поступающая от них самих. Не было бы женщин, не было бы и прогресса, домов, машин, одежды, бумаги, кроватей, музыкальных инструментов не было бы ничего, мужчины бы просто отжили свой век в пещере, убивая друг друга ради забавы и из-за обиды и всё, ничего не оставив после себя.

Мужчина начинающий ухаживать за женщиной, и добившись таки финала этих отношений, про себя думает так: «Да я это сделал, я добился от неё всё, что хотел!». Самое смешное, что женщина думает также или примерно так: «Я его поймала и обворожила, теперь он мой и только мой!». На самом деле в сторонке находится создатель, бог, и, в общем, неважно как вы назовёте эту силу. И это он сделал так, что бы эти отношения были вечной историей цивилизации, её составляющей – вечным двигателем мира людей.

Существование в этих странах нельзя назвать сказкой, люди пользуются вещами, которые им оставили предки, они

тоже отживают свой последний век. Ведь главная энергия была уничтожена, теперь эти шестеренки больше не выполняют те же самые функции, вследствие чего механизм потихоньку ржавеет и вскоре может остановиться навсегда. На улицах царит хаос, за весь день можно было встретить пару машин, ржавых разбитых колымаг, еле передвигающихся по паутинам городских улиц.

Дома из-за былых обстрелов выглядели убого, многие крыши протекали, и иногда через отверстия в них ночью можно было увидеть звёзды.

Но были всё же районы похожие на цивилизованную реальность, однако они находились, как правило, в больших городах и были полупустые. Ведь зачем куда-то ехать, если везде одно и то же. В таких местах были только ученые, политики и военные, решившие закончить свой век в красивом мундире и на удобной кровати. В таком городе с причудливым названием Буркиль и жил наш герой...

В семь часов утра, осенней порой, на работу шел капитан Штерн. Его работа продлевала ему жизнь, ведь большего занятия в этом мире для себя он не видел. Капитан участвовал в трех главных сражениях на территории своей страны, можно сказать, что посвятил жизнь службе. С его жизненным опытом можно было легко потерять рассудок, но этого с ним не произошло. Сегодня, в его жизни очень серьезный день, ведь скоро он узнает о том, как будет существовать государство, а именно возможна ли новая война. Несмотря

на то, что между государствами был заключен мирный договор, под названием: «Луковское соглашение», шанс на зарождение войны всё же существовал, ведь у каждой территории были свои богатства. Точнее оставшееся от предков наследство. Так, например, у Аделаиды это была нефть, которая позволяла легко осуществлять потребности связанные с использованием энергоносителей в различных сферах жизни. Штерн, уже практически был близок к штабу, где возможно все карты раскроются.

Войдя внутрь его, встретил вахтер.

– О, мистер Штерн, что-то вы сегодня рано, что-нибудь случилось?

– Нет, Сурик, просто проснулся раньше обычного, а дома я занятий не нашел.

– Понимаю-понимаю, тем же страдаю, знаете, прихожу иной раз, а дела себе не нахожу, тогда ложусь спать и все на этом, ужас конечно...

Офицер сделал вид скромной заинтересованности к проблемам своего собеседника, но вскоре решил закончить диалог.

– Ладно, Сурик, не кашляй – после этих слов он пожал руку вахтеру и пошел к лифту.

В лифте никого не было, в обычные будни его нельзя было поймать свободным, но сегодня совсем иной день. Лифт, проглотив капитана, стал подниматься на седьмой этаж. Капитан Штерн размышлял. Он был на удивление сдержан

и спокоен, соблюдая нейтралитет со всеми окружающими, и дал понять, что сегодня его волнует только одно дело и оно самое важное. А может и не такое важное? Может он просто утрирует. Кто знает, кто знает...

Глава 1

Капитан присел на кожаный диванчик в ожидании совещания. Он посмотрел на время. На часах было ровно восемь. Включил плеер и стал слушать музыку, окинув голову на спинку дивана. Он слушал думая о своём, музыка это единственное занятие после войны, которое приносило ему радость. Сам он умел играть на гитаре, хоть это и было весьма сложным занятием, даже ради этого он переехал в тихую коммуналку, где сделал звукоизоляцию, чтобы играть после тяжелого рабочего дня. Штерн задремал.

Его разбудил чей-то толчок в плечо, открыв глаза, он увидел много людей в мундирах. Часы показывали без пятнадцати девять. Заметив своего товарища среди толпы стоящей слева от него, капитан покинул своё место и направился к нему. Штерн подошел к стоящему спиной к нему знакомому офицеру и опёрся на его плечо. Мужчина в выглаженном кителе повернулся и, улыбнувшись, протянул ему руку.

– А, Давид, привет – сказал человек, из которого лилась радость.

– Здравствуй, Джон – пожимая руку, ответил Штерн.

– Что ждешь, не дождешься? – с неутомностью спросил Джон.

– Да, интересно, что же будет – задумчиво ответил он

– Да как всегда, скажут, что все соперники мерзавцы, со-

трудничество с которыми очень важно для нас, поэтому войны не будет – недовольно сказал человек с погонами лейтенанта.

– А ты хочешь войны? – нейтрально спросил капитан.

– Я сам не знаю, дружище, вроде бы война это плохо, а с другой стороны... выбора, то практически и нет.

– Не знаю, Джон, я сейчас не очень хочу спать в окопе – сказал Давид, не воспринимая всерьёз максимализм своего товарища.

– Никто не хочет, но это неизбежно, война – это движение, – с лицом знатока в таких вопросах ответил Джон.

– Тут можно много говорить и этих разговоров хватит не на одну бутылку, так что давай пока закроем эту тему – с некоторым упрёком сказал Штерн.

– Ты это о чём, – не унимался Джон.

– О чём, о чём – обо всем, чёрт возьми – неожиданно резко ответил Давид. – Для одних война это рисование стрелочек на карте, и прикалывание медалек на китель, а для меня кормление вшей в окопах и отстрел собак, которые утащили руку умершего товарища, которого не успели похоронить, и всё на этом, – начиная не на шутку заводиться, сказал Давид и, понимая, что дальнейшее продолжение диалога может перерасти в нечто другое, чем дружеская беседа, не дождавшись ответа, ушёл в другую часть комнаты, которая находилась перед огромным залом, где должно быть сегодняшнее совещание.

Часы показали девять, и масса людей в мундирах стала входить в огромный кабинет, посередине которого стоял большой круглый стол. Капитан и лейтенант сели вместе с левой стороны от центра. Люди ещё разговаривали между собой, и делились чем то. Но, все же посмотрев на них можно было уловить только недоумение. У многих не причесаны волосы, лица у всех заспанные и усталые, под глазами у многих синие круги, говорившие толи о том, что человек не спал всю ночь, толи об употреблении напитков различной крепости. И как бы они не улыбались сейчас, все они несчастны, ведь они были обречены, и этот факт тяготил каждого, но умереть не самое страшное, хуже жить в одиночестве.

Наконец в зал вошел старичок в белом мундире, и все сразу поднялись. Парнишка, который сидел возле компьютера, вскочил с места и включил более тусклый свет, для того чтобы слайды, которые собирались показывать были видны лучше.

– Равняйся! – гаркнул старик. Все солдаты будто были напуганы и резко повернули головы направо.

– Смирно! – не понижая планки, продолжил он, Здравия желаю товарищи офицеры!

– Здравия желаем товарищ генерал! – ответили парни в мундирах.

– Вольно, садитесь – уже более мягко сказал генерал.

Все сели на свои места и в помещении стало тихо.

– Итак, начнем наше совещание – начал он, – сегодня зна-

менательный день, он говорит нам о том, что мы сумели прожить ещё один год, а значит, нас не сломить. В нашем мире не убавилось количество тягот и лишений, но мы справились! На дворе 2102 год, но не за горами и 2103. Что хочется сказать о наших союзниках – замешкался старик, – Виктория вышла из союза и подписала отказ на «Луковское соглашение», теперь она вправе начать войну, когда угодно, но надо ли ей это, вопрос остаётся открытым. Я не знаю сам, причину выхода, толи это скандал с Софией, толи ещё какая-нибудь многоходовка. Итоги подводить не время, поэтому через три месяца совещание будет снова, тогда уже вместе с военными представителями Софии мы разберём дальнейший план действий. Хочу также обратить ваше внимание на то, что работа над «Гиртидом-01», успешно подходит к концу и это может означать только одно – у нас есть ещё шанс на выживание и существование в этом мире.

На доске появились выразительные слайды, подтверждающие слова старика. «Гиртидом» являлся специальный аппарат, в который помещалась семенная жидкость, и который умел подобно женской яйцеклетке, создавать и растить разумное существо. Идея была в разработке с 2095, сразу после исчезновения женщин, которые подверглись массовому истреблению. Но всё же никто не верил в её полную реализацию, о ней говорят каждый год одну и ту же информацию, и толку не прибавилось. Скорее всего это была очень красивая сказка, для того чтобы люди не стали задумываться

о своём вымирании, свято веря в великие технологии своей страны.

Старик в погонах генерала больше ничего не сказал интересного, все, что было дальше, являлось простой благодарностью, за все подвиги, на которые пошли его подчинённые и банальные поздравления с окончанием года. Все знали, интересное и важное совещание будет через три месяца.

Офицеры с хмурыми лицами вышли из зала, и пошли в разные стороны. Джон подбежал к Штерну.

– Ладно, Давид, я пошел, удачи тебе.

Когда то Джон работал с солдатами, у него был собственный взвод. Находясь среди них, он был не только командиром, но иногда и отцом, но всё же не был достаточно строг с подчинёнными. Джон пришел после войны и окончил училище, после чего и стал почетным лейтенантом. С Давидом он познакомился на войне, когда тот был сам лейтенантом, а сейчас у Джона собственный кабинет и обязанности по штабной работе.

Штерн дошел до своего кабинета, открыл дверь и оставил её приоткрытой. Он сел на диван и смотрел на стену с минут десять. После сел за стол и принялся за работу. Он разбирал бумаги по поводу учета личного состава части, сколько убыло, сколько прибыло. Смотрел списки погибших за последнюю неделю, записывал вновь прибывших, и вычислял общий прирост. Несмотря на то, что между странами было подписано соглашение, боевые действия никуда не делись. При-

крываясь масками лицемерия, страны нападали друг на друга. За последнее время солдат всегда поступало больше, чем умирало, и ряды военных росли, людям просто было нечем заняться. Кто-то шел в поисках смерти, другой от скуки, у всех были разные мотивы. После подсчёта, Давид отдыхал пару часов, бродил по городу, потом приходил обратно, сдавал отчет и шел читать лекции новобранцам. Он мог этого конечно не делать, но ему было не найти занятия от которого он смог бы получать хотя бы минимум положительных эмоций.

Новички всегда слушали внимательно и записывали слово в слово. Штерн говорил им элементарные вещи, но всегда подавал информацию по-разному. Он читал много книг об ораторском искусстве и практиковался на своих занятиях. Солдатам была нужна информация, которую они получали на занятиях и поэтому они с усердием занимались у Давида.. Штерн брал по два занятия в день, были времена, когда он брал и по три-четыре, но сейчас у него не было такой душевной депрессии, как когда то, поэтому двух было достаточно.

После работы он всегда шел в маленький бар, где для него было забито место в вечернее время. Давид садился за последний столик, возле стены, и заказывал себе виски с колой. Когда в баре было тихо, он читал книгу, а если было шумно, то просто сидел, слушая музыку, которая играла в динамиках. Алкоголь стал дорогим, ведь спрос на него вырос, и его могли себе позволить в больших дозах только работа-

ющие люди

В бар зашел парень, он был молод и рассеян. Его плащ чуть не придавила входная дверь, и взгляд у него был пуст.

– Водки – сказал он, подходя к стойке.

Бармен вмиг исполнил заказ и стопка, уже наполненная напитком стояла на столе. Парень, не задумываясь, опустошил её и повторил заказ. Будто юнец, прячущийся от родителей с сигаретой, он пил водку, постоянно оглядываясь и боясь чего-то. Он пил не переставая, повторяя свой заказ вновь и вновь. Наконец запал прекратился после пятой стопки, парень остановил бармена и расплатился за всё выпитое. Он был пьян и сидел, смотря в одну точку на бутылке несколько минут. После порылся в кармане и достал цветную бумажку, купив на неё чашку кофе. Он отошел от стойки и начал искать глазами столик, заметив место, где сидел Давид, незнакомец двинулся к нему.

– Можно я присяду? – вежливо спросил паренек в рваном плаще.

«Конечно» – ответил Давид и стал рассматривать незнакомца. На нем был чёрный рваный плащ, черные джинсы, на голове черная кепка с наполовину стертой надписью, виднелась только «Гер...». Что это было за слово, может «Герой» или «героин», непонятно.

Присев за столик незнакомец начал разговор:

– Роман – сказал он и протянул руку.

– Давид – сказал Штерн, ответив рукопожатием.

После этого была неловкая пауза, и никто не решался продолжить разговор. Молчание прервал Роман, отпив кофе, он спросил:

– Я смотрю ты офицер?

– Да, что то вроде того, а что, что то не так?

– Да нет, ничего, просто стало интересно, чем занимается человек, с которым я сижу за одним столом.

– А ты, чем ты занимаешься? – оживленно спросил капитан Штерн.

– Я музыкант, известный музыкант, странно, что ты меня не узнал, ведь возле бара висит афиша на мой концерт.

– Я не заметил её – коротко ответил Давид.

– Это даже лучше, мне так комфортнее здесь находиться, ведь общаться с беспристрастным человеком гораздо увлекательнее, чем с фанатичным слушателем – он с улыбкой посмотрел на Давида и опустил на спинку стула. После спросил: « Ну что, капитан будет война?»

– Нет, не будет – улыбнувшись, ответил Штерн.

– Это хорошо конечно, но я не вижу смысла сохранять мир, лично моё мнение.

– Почему же? – заинтересованно спросил Давид.

Парень отпил кофе и посмотрел на часы.

– Слушай, если тебе угодно, то я буду в этом чертовом городе до конца месяца, может, свидимся и продолжим разговор, а сейчас мне пора, до встречи – сказал Роман, встал и протянул руку Давиду.

– До встречи – попрощался Давид.

Парень направился к двери, поправляя воротник плаща. Через мгновение он исчез, открыв двери и запустив холодок с улицы.

Через полчаса Давид тоже направился домой, вспоминая события дня. Он прокручивал в голове совещание, число погибших и прибывших на службу, новобранцев, а также и неожиданную встречу с музыкантом. Роман был необычным человеком, среди серой массы ему удавалось подчеркнуть свою индивидуальность. После скучных и типичных разговоров с ограниченными людьми в камуфляже, это был глоток свежего воздуха. Давид почему-то был заинтересован, чтобы вновь встретиться с необычным посетителем бара и продолжить с ним разговор. Придя домой, он снял китель и повесил его в шкаф. Штерн почувствовал облегчение, после строгого одевания, домашняя одежда казалась ему лёгкой и приятной.

Когда он приходил домой он никогда не времени со сном, не было исключения и сегодня. Поужинав двумя бутербродами с чем-то похожим на колбасу, он лёг спать. Сегодня ему, как и всегда, снились цветные сны.

Глава 2

Проходили недели, а в мире ничего не менялось. Всё также было серо и тускло. Люди не спеша шагали к станции метро, возле которой всегда была какая то неразбериха, и толпа попрошайек. Это был обычный день, как и все остальные, скучный и ненужный.

Музыкант вошел в метро и сразу же кинул пару монет человеку с гитарой, стоящего в переходе между станциями. В метро можно было курить, поэтому он затянулся своей потрёпанной папироской и ускорил шаг. Вдалеке он увидел, что подходит его поезд, и ринулся вперед. Роман чуть ли не взлетел над эскалатором и помчался дальше, но всё равно не успел. Поезд закрыл двери прямо перед ним, и, ускорившись, исчез в тоннеле.

Самое интересное, что люди никогда не задумываются над тем, как может измениться их жизнь от того на каком поезде они поедут. Что такое опоздание для человека? Потерянные минуты, не более, но на самом деле и одна минута может изменить жизненный путь человека. В нашем случае всё не так кардинально, просто в том поезде ехал Давид, и если бы Роман успел, на него, то произошел бы возможно интересный диалог, который был бы приятен для обоих, но судьба такая...

В этот знаменательный для Давида день было достаточно

мрачно и серо, что немного портило настроение капитана. До Давида дошел слух, что на следующем месячном совещании его повысят и это не могло его не радовать. Он уже представлял, как он переезжает в новый кабинет, ходит по секретным цехам, работает с важнейшими документами. Майоров в городском штабе было всего пятеро, он станет шестым. Это мысль, словно перышко проходящая по ступне ноги, вызывало у него лёгкую дрожь по телу, и улыбка вмиг появлялась на его лице.

Он зашел в штаб и уже шел к лифту грациозной походкой, думая о том самом повышении. В голове Давид представлял, как полковник говорит его имя и фамилию, просит выйти на середину и тогда он отдаст честь и получит своё долгожданное звание. Капитан вошел в свой кабинет, повесил верхнюю одежду на стойку и заварил чай. Уже с кружкой он сел в своё кожаное кресло и потихоньку начал пить бодрящий напиток.

Часы показали, что до проверки осталось пять минут, поэтому Штерн вышел из кабинета и спустился на пятый этаж. В коридоре уже не было толпы, всех запустили немного пораньше. Капитан зашел в зал и сел рядом со старшим лейтенантом, у которого было сильно изуродовано лицо. Это был Виктор Корнелл, его недавно перевели в главный штаб, до этого он рыл окопы восемь лет на границе с Софией. В один зимний день осколки мины прилетели в его лицо, и теперь казалось, что его пропустили через мясорубку. Хотя

Давид с ним практически не общался, руки они всё же пожали.

В зал вошел полковник, и все сделали то, что было две недели назад, когда приезжал генерал. После обязательных процедур приветствия полковник начал свою речь:

– Сегодня мы все собрались, чтобы подвести итоги уходящего месяца. Он был тяжелый и долгий, но мы выстояли, хоть и не все. Объявляю минуту молчание в память о погибших.

Все встали, и в кабинете воцарилась гробовая тишина, только один парень поперхнулся, нарушив её. Те, кто стояли лицом к нему с укором посмотрели на него, но дальше грозных брошенных взглядов ничего не было, офицеры молча провели данную минуту и сели обратно на свои места.

– Итак, начнем, за этот месяц мы потеряли пять тысяч военнослужащих, укрепляя свои границы, а также прибыло восемь тысяч новобранцев. Этот месяц является рекордным по поступлению в ряды вооруженных сил. Это на две тысячи больше, чем в прошлом и на четыре чем в позапрошлом. Хочу также поприветствовать новых офицеров в наших почетных рядах – сказав последнюю реплику, он бросил взгляд на Корнелла.

После он говорил то же самое, что и генерал, даже складывалось ощущение, что он заучил его текст. Его тест отличался только небольшой критикой в адрес подчиненных.

– Теперь можно и перейти к главной части. В этом меся-

це многие из вас отличились от всех исключительным профессионализмом и трудолюбием, поэтому хотелось бы присвоить новые воинские звания... — после пошел список тех, кто заслужил повышения. Офицеры гордо выходили на середину и, отдавая честь, забирали заслуженные непосильным трудом новые погоны. Порой в центр выходили измученные жуткой бессонницей солдаты, на их лицах играла еле живая торжественность, которую немного передавала лёгкая улыбка после всех официальных слов. Эти люди были обречены, в их жизни, возможно, не зажигались и не зажгутся непринуждённые искры любви, поэтому служба являлась для них последним делом жизни. Давид ждал, когда озвучат его имя и фамилию, и вот: " Давиду Лаврентьевичу Штерну присвоить звание майора с переводом на новое место работы, в Люстиг».

Сначала, услышав своё имя, Давид обрадовался, но когда речь зашла о переводе... «Люстиг! Боже мой! Это же такая дыра!» — думал он. Новоиспеченный майор был обескуражен. После повышения Давида дошло и до Корнелла, его поставили на место Штерна. Давид был разозлен. «С ума сойти, эта тупая грязная обезьяна будет сидеть на моём месте, да он же даже дважды два не сложит» Корнелл нейтрально отнесся к повышению, он подошел взять свои новые погоны капитана и, усевшись обратно, стал их разглядывать. Его поведение стало раздражать Штерна, он видел не офицера, который заслуженно получил новое воинское звание, он видел

гориллу, которая разглядывала банан, пытаюсь понять, как его открыть.

Несмотря на то, что Джон пахал, как проклятый, иногда его даже заставляли заполнять журналы по ночам, его не было в списке награжденных. По его лицу было видно небольшое недоумение, но оно было таким же мимолётным, как и злора Штерна, которая уже утихла.

Совещание закончилось. В конце полковник сказал, что те, кому было назначено перевестись в другую часть зашли к нему в кабинет через час. Давид вышел на улицу, слабое осеннее солнце щекотало его уставшие глаза. Он сходил в ближайшую забегаловку и перекусил хот-догом. Поедая не самую удачную пищу в своей жизни, он немного грустил, несмотря на всё понимание ситуации и осознание того, что такова судьба, без сигареты дело не обошлось. Вернувшись в штаб, Давид, как и полагалось, пошел в кабинет начальника.

Там уже стояли офицеры, которым тоже «выпала удача» перевестись в другой город. Среди них не было ни одного из знакомых Давида. Все они походили на жалких актеров, которые отыгрывают роль военнослужащих, бледные и хилые, на их погонах виднелись новые звёзды лейтенантов и на одном, старшего лейтенанта. Среди них Давид выглядел лишним, он был крепким мужчиной средних лет и серьёзным взглядом, а это были мальчишки, на лицах которых можно было только заметить набирающую рост щетину,

им не было и двадцати пяти. Давид даже задумался, почему его, человека, который хорошо выполняет свои обязанности, да и ещё дополнительно подрабатывает куратором у новобранцев практически на добровольных началах, переводят в другую часть, в разы хуже, чем эта, как ни крути это один из главных штабов страны, а Люстиг, грубо говоря, это деревня. Штерн стал сомневаться в том, что он хорошо выполнял свою работу, может он где-то ошибся...

Запускали в кабинет по одному, и каждый выходил оттуда на удивление радостным. После, Штерн узнал, что этим соплякам, дают управляющие должности на их новом месте работы, и это не могло их не радовать. Кто они здесь, так, те, которые просто заполняют пустые графы в списке личного состава, здесь у них нет ни власти, ни возможностей, только несоизмеримые обязанности для своего возраста и маленького опыта. Но Давид – другое дело, он здесь был не последний человек, у него собственный кабинет и неплохая должность, которая как-никак даёт ему желаемые ресурсы для его жизни, ему было, что терять. «Наверное, я, где то ошибся» – накручивал он себя.

Наконец пришла очередь Штерна, он открыл дверь в кабинет, полковник, стоявший возле окна, повернулся к нему и сказал: «А, Штерн заходи, что встал в проходе?». Давид вошел и закрыл за собой дверь.

– Присаживайся – уважительно сказал полковник.

Штерн неуверенно приблизился к стулу и сел.

– Ты, наверное, думаешь, что это я тебя в наказание отправляю в другую часть? – спросил его непосредственный начальник.

– Нет, вовсе нет – не дожидаясь ответа, офицер стал оправдывать свой поступок, – просто пришел приказ от начальства, чтобы я направил кого-нибудь из своих сотрудников в Люстиг. Там сейчас нужен грамотный специалист, мы практически потеряли контроль над этим городом и не получаем оттуда никакой информации. Через два с половиной месяца, ты будешь переведён обратно, и совещание с представителями из Софии пройдёт уже с твоим присутствием, – красил он ситуацию майора в яркие тона, – а в Люстиге у тебя пройдёт испытательный срок в роли заместителя командира части, и ты будешь нам докладывать информацию о происходящем в городе.

Штерн был в хороших отношениях с полковником, они вместе были в одной роте во время войны, поэтому Давид мог позволить себе отношение на равном уровне, несмотря на субординацию.

– Просто лучше, чем ты, с этой задачей не справиться никто – добавил полковник.

– Хорошо, – начал Штерн, – я то уж подумал, что я где-то ошибся, поэтому вы меня переводите – сказал Давид

– Нет, нет, я же говорю, через два месяца вернешься обратно – успокаивающе сказал он.

– Когда мне выезжать? – прямо сказал майор.

– Завтра – сказал полковник, потом немного задумался, пытаясь понять смысл своих сказанных слов, – да, завтра, готовься к отъезду, собирай вещи, а сегодня, ты освобожден от своих обязанностей, можешь идти домой.

Штерну немного полегчало, он даже ничуть не расстроился из-за того, что ему придется поработать в другом городе пару месяцев, «Наберусь опыта, освежусь на другом месте немного» – подумал он.

– Я могу быть свободен? – спросил Давид.

– Да возьми вот это и ступай – полковник дал ему его документы и приказ о переводе в Люстиг.

– Всего доброго, товарищ полковник – сказал он, открывая дверь

– До встречи, Штерн – сказал полковник и снова повернулся к окну.

Давид вышел из кабинета и направился к выходу. Выйдя из здания, он решил не спешить домой, Собраться он всегда успеет, брать то, по сути, и нечего, гитару, да кое какие вещи, всё это можно сложить и за пять минут перед выходом, а вот в своём любимом баре он долго не посидит. Давид решил зайти и выпить чего-нибудь горячительного. Он сел за столик, предварительно заказав бутылочку скотча, и стал с интересом читать свою книгу. Штерн сидел, облокотившись на жесткую спинку старенького стула, в одной руке была книга, а в другой он держал стакан скотча, через некоторое время, попивая его. Страницы в твёрдом бумаж-

ном переплёте отправляли далеко от места, где он находился. До войны он практически не брал в руки книг, придерживаясь, правила: « У меня есть своя жизнь, мне вовсе ни к чему читать и тратить своё время на описание чужой». Но теперь он нуждался в заменителе своего простого и обыденного бытия. Ведь книга это набор чьих то мыслей, находящихся в мертвом, сонном состоянии и которые оживают в руках мыслящего читателя, а некоторые из них обретают новую жизнь уже в другой голове. Штерн мог даже читать порой и школьную литературу, ему совсем было неважно, для кого была написана книга.

Сегодня Давид показывал своим видом заинтересованность к посетителям заведения. Как только до его ушей доносился скрип входной двери, он тут же отрывался от чтения и смотрел на входящего человека. Но ни разу за вечер его не удовлетворило появление нового гостя, майор смотрел на них не больше секунды, а после снова погружался в чтение. Также в этот вечер он очень зачастил с выпивкой, каждые две страницы Давид запивал скотчем при этом, делая это так громко, словно пьёт кипяток. Чрезмерное употребление привело к полному опустошению бутылки за где-то полтора часа. Он стал ловить себя на мысли, что прочитав страницу, не помнил о чём она, и начинал читать сначала. Буквы немного стали плыть, и Штерн, теряя концентрацию, закрыл книгу. Подозвав официанта, Давид заказал кофе. Персонал знал Штерна, поэтому какие-нибудь маленькие заказы они

приносили ему без задержек. А так как он только и заказывал алкоголь с сигаретами да кофе, для него не существовало очередей.

Официант поставил чашку кофе на стол и мигом удалился. Штерн взял чашку в правую руку, и, закинув ногу на ногу, стал пристально смотреть на дверь. Он надеялся, что сейчас зайдёт потрепанный музыкант и выпьет с ним, приправляя процесс интереснейшей беседой. Но Роман не пришел.

Глава 3

Проснулся Давид рано утром. Солнце ещё не успело осветить сумрачный город, а майор уже был чист, свеж и готов. Вещей он взял, как и хотел, немного: гитару, три рубашки да несколько комплектов нижнего белья. «Остальное там выдадут» – думал он.

На улице был лёгкий туман, который так нравился Штерну. «Красота!» – говорил он сам себе. Людей почти не было, что было нисколько не странно. Какой дурак будет шляться в такую рань? Да и кому шляться... Люстиг был настолько дырой, что туда ходил поезд раз в три дня и то утренним рейсом. Майор уже смирился с этим. Бывает и хуже. Могли вообще в Красный отправить, а туда только на попутках добираться. Автобуса прямого до него нет. Был у Давида знакомый подполковник, так вот: он один раз напился до состояния «подносчик боеприпасов», это так в шутку военные называют пьяного, который идет, шатаясь на полусогнутых и очень похож на подносчика тяжёлых снарядов, и пришел к Федору Игнатьевичу (на тот момент к командиру части, в которой начинал свою карьеру Штерн) разбираться, мол, почему его не повышают, зарплата маленькая, ведь он пашет как лошадь. Командир части промолчал и выслушал пьяные бредни идиота, а на следующий день он отправил его в Красный, больше о нем Давид ничего не слышал, может и в жи-

вых его нет, говорят, что там были боевые действия, много погибших. А может просто Штерн не помнит, ему было не до хмельного офицера.

Вокзал... он был красив, несмотря ни на что. Где-то здание пошло трещинами, через которые пробивались настоячивые ростки клёна. Он выглядел как обветшалый бирюзовый замок. Давид вошёл через старую потрепанную дверь, которая с протяжным скрипом хлопнула за ним. Внутри сидело человек сорок в зале ожидания. Кассы работали все, наверное, только всемирный апокалипсис смог решить эту противную проблему с одной рабочей кассой. Только теперь это было весьма глупо, зачем три работающие кассы, когда поток людей был незначительным? Но продавцам главное было заработать на еду, да на водку, их совершенно не волновала неурядица. Штерн прошел вдоль скамеек, чтобы сесть с краю. Он увидел одного из вчерашних охламонов, которые тоже были отправлены на новое место назначения. Увидев Давида, один молодой офицер подскочил как умалишённый: «Здравия желаю, товарищ Майор!» – произнес он, отдавая честь. Штерн утром уже успел поменять погоны, и китель после этого стал выглядеть как-то серьезнее. «Вольно, солдат, мы не на службе, можешь расслабиться, – говорил Штерн, будучи удовлетворённым от такой реакции, – как тебя звать?» – сказав дружелюбно последнюю фразу, Давид протянул руку рядом стоящему лейтенанту.

Медленно опустив руку от виска, не ожидая такого пово-

рота молодой офицер, пожимая руку, сказал:

– Илья... – все ещё находясь в недоумении.

– Вот и славненько – улыбаясь, сказал Штерн, – меня зовут Давид.

– Вы тоже в Люстиг? – задал глупый вопрос Илья, ведь табло выдавало только один рейс, и он был именно туда. Сразу видно было, что он просто хотел поддержать разговор.

– Да, я в Люстиг – последовал «неожиданный ответ», – мне вчера, как и тебе, приказ пришел – сказал Давид, чтобы тоже продолжить разговор.

– Я вас видел вчера, вы были сам не свой- с неловкой улыбкой сказал лейтенант.

– Просто я привык готовиться всегда к худшему – после этих слов Давид подумал про себя: «Наверное, это и помогло мне выжить», – поэтому вчера я ожидал самого плохого сценария – сказал Штерн, глядя на Илью с серьёзным лицом.

– Понимаю вас – произнес паренёк, опустив глаза на кафельный пол

Новоиспечённые попутчики уселись на сидения и стали немного общаться, уже не так сложно, но и не так легко, чтобы уже называться друзьями. Немного адаптировавшись, Илья стал рассказывать о себе, что недавно окончил военное училище и был совершенно случайно отправлен в главный штаб, по ошибке его начальника. Он не пробыл там и месяца, его служба в столь престижном месте заняла всего три недели. Лейтенант все говорил и говорил, о себе, о службе, о си-

туации. Илья был даже рад, что его перевели, он сам понимал, что он не настолько высокого уровня специалист, чтобы представлять собой коллектив главного штаба.

– Люстиг – для меня самое то, говорил он, я там обучусь хоть немного, а потом может и обратно возьмут, тогда я уже буду более опытен.

Давид понимал, что парень рассуждает здраво и, несмотря на этот перевод, не унывает и делает довольно оптимистичные прогнозы на своё будущее.

– Может ты и прав, – поддержал он его, – негоже новичку в таком месте находиться, простая часть, вот, что тебе нужно, сам с того же начинал и вот видишь кем я стал – Давиду стало немного неловко за свою нотку хвастовства.

Бурно развивающийся разговор прервал строгий мужской голос, оповестивший всех о том, что поезд отправляется через пять минут и пассажиры должны идти на свои места в вагонах. Оба военных прямоком отправились на перрон, где красовался поезд, готовый в далёкий путь.

– У тебя в каком вагоне? – спросил Давид, щурясь, смотря на свои цифры в билете.

– В четвертом – ответил Илья, достав из кармана немного измятый билет.

– А у меня в первом, ладно потом ещё свидимся – майор махнул рукой и отправился в другую сторону.

– Хорошо – ответил Илья, немного прикрикнув вслед уходящему офицеру.

Давид зашёл в купе, он был один, все места были в его распоряжении. Он снял с себя сумку и поставил ее на край полки, а сам облокотился на стенку и тяжело вздохнул. Достав из кармана плеер, он включил музыку, спокойную и медленную. Он медленно погружался в ту иллюзию, которую воспроизводил его мозг при воздействии музыки, но вдруг! Его будто что-то кольнуло сзади. Он взял свою сумку и начал в ней рыться, после чего всё же осознал, что оставил свою книгу дома. «Тьфу ты черт, теперь придется в лучшем случае сходить за ней в библиотеку» – подумал он. И вернулся в исходное состояние, которое не уносило его далеко-далеко от реальности. Человеком Штерн был спокойным и относился ко всему также, быстро остывал, да и не корил себя за что-либо, ему было не до самобичевания. Вскоре он и вообще забудет об этой книге, как о выброшенном из кармана фантике.

Давид сидел и ждал отправки поезда, ему нравилось ездить, и, слушая музыку, смотреть в окно. Штерн не понимал, почему нужно так затягивать с отправкой, люди уже давно заняли свои места, кого ещё нужно ждать, машинист на месте, проводники на месте, что за бред? Было бы этому объяснение, если сейчас ездило столько поездов, сколько было до войны, а сейчас... три поезда, которые ездят на разных путях и никак не соприкасаются друг с другом. Просто людям уже некуда спешить. В них давно потухла та искра, что гнала их и поторапливала. Они никуда не торопятся, зачем

спешить, если тебя нигде не ждут?

Поезд тронулся и начал набирать обороты. Рельсы скрипели под колесами пассажирского поезда, который железной змеей извиваясь на поворотах, всё мчал и мчал куда-то в неведомую даль и дарил этим атмосферу пути. Давид любил долгие поездки. Одно время, до работы в штабе, он приезжал за призывниками в разные города, и давно был знаком с этой романтикой. Штерн вспоминал, как приедешь в какой-нибудь Фолиргоме, а там народу... Как будто кто-то разворошил муравейник и люди, словно маленькие муравьишки куда-то спешат. Молодые парни заходили в вагоны, а их сопровождали женские слезы, слезы разлуки. Плакали матери, жены, сестры, дочери, да и просто девушки, парни тоже бы хотели заплакать, но так не принято, поэтому они либо неловко улыбались, либо попеременно отворачивались, вытирая глаза, чтобы никто не увидел маленьких капелек, лениво ползущих вниз по щекам. Это было во время призыва на войну, тех, кто провожал их, не осталось никого, да и самих солдат, вернулись единицы. Первая волна была очень сильной, каждый день погибало немыслимое количество людей. Солдат вечно не хватало, поэтому позже стали снижать призывной возраст. Дошло до шестнадцати лет, это не укладывается в голове, на войну гнали тех, кто вчера сидел за партой и писал очередные упражнения по русскому языку. Люди жизни ещё не познали, а уже держали в руках автомат. Печальная картина, смотреть, как мальчиш-

ки живут в окопах и умирают с голода, потому что поступления продовольствия было заблокировано, люди не верили в завтрашний день, они жили сегодняшним, являющимся для многих последним.

В дверь кто-то постучал, это был Илья. Он пришел навещать Давида.

– Вы в какой части будете служить? – спросил гость.

– Разве в этой глуши их несколько? – с насмешкой удивился майор

– Их три, ведь этот город недалеко от границы.

– Минутку – Майор полез в свою сумку и достал синюю папку.

– Так... – читая, сказал Штерн приказ, – в сто двадцать третьей – наконец сказал он.

– А я в сто двадцать первой, значит в разных будем служить – сказал он

– Это даже к лучшему Илья, во время пути, теперь тебя вообще не должна сдерживать субординация – смеясь, сказал Давид

– Хехех, – засмеялся немного Илья, – вы правы, я тоже так подумал, так что тогда, Давид, выпьем сегодня?

– А разве здесь наливают? – удивлённо спросил он.

– Мне везде наливают – в шутку похвастался лейтенант, – проводник – друг моего брата, а он знает, где найти все, что душе угодно, в пределах разумного конечно – улыбаясь, говорил Илья.

– Здорово, конечно выпьем – оживлённо сказал Майор

– Тогда погнали, что штаны протирать? – энергия лилась из уст Ильи, теперь он разговаривал со Штерном как со своим школьным приятелем, и тот не был против такого к себе отношения.

Давид поднялся с сидения, и, взяв на всякий случай бумажник, покинул купе.

Они пришли к проводнику, он их уже ждал. Проводником был молодой парнишка, ровесник Ильи. Он зашёл в свою «комнатку» и вынес им бутылку коньяка. Илья сунул ему в карман одну разноцветную бумажку и проводник скрылся.

– Сколько ты отдал? Давай я верну половину – сказал Давид, доставая потрёпанный кошелек.

– Слушай, – нахмутив брови и сменив интонацию начал парень, – убери, пожалуйста, разве по мне видно, что мне нужны деньги? Хотел бы быть богатым – никогда не пошел служить, а это так, бумага, ещё будет, а мы неизвестно когда встретимся. Положи кошелек обратно.

Штерн многозначительно посмотрел на него и молча убрал кошелек. Редко встретишь таких людей, которым совершенно неважно сколько у них осталось денег в кармане, при этом, будучи не такими уж и богатыми. По сути, Давид тоже не особо считал деньги, как бы он не старался, ему не удавалось потратить за месяц всю свою зарплату, поэтому деньги копились, но в них не было никакого смысла.

Вечер был веселым, недавние сослуживцы, сейчас стали просто товарищами, которые давно не виделись. Теперь бывший капитан не скупился делиться своими историями из жизни, поэтому разговор развивался с неплохой динамикой, ведь главный секрет развития человеческих общений – это взаимное доверие друг другу, что уже присутствовало у обоих. Илья делился теперь не только о службе, но также он поведал одну интересную историю:

– Давид, вот скажи, зачем ты живёшь? – уже немного опьяневшим голосом говорил лейтенант

– Хах, понятия не имею, а что? – попивая, ответил Штерн

– Да ничего, я просто не понимаю, зачем жить пустой жизнью, она не имеет никакого смысла, мы уйдем отсюда, не оставив следа, и о нас забудут на следующий день. Наши могилы, кому ещё повезёт с ними, будут ветшать с каждым днём, и ни кто и некогда к ним не придёт. Не кому приходиться – сказал Илья и глубоко вздохнув, потянулся за бутылкой.

Налив в стакан прекрасного напитка, он продолжил:

– Мои родители встретились в троллейбусе и полюбили друг друга, они жили в счастье и не знали забот. Они бы жили до сих пор, если бы не эта сука! – последнюю фразу он произнес почти со слезами.

Несмотря на всю лиричность момента, Давид ни разу не показал собственной слабости. К такому поведению он привык давно, а такие истории слышал не один десяток раз,

поэтому, скорее всего, было поспешным выводом назвать её интересной.

– Не ты один, многие потеряли близких, кто-то больше, кто-то меньше – черство сказал Штерн.

– Ты тоже потерял мать?

– Нет, она умерла до истребления – наклонившись за бутылкой, сказал Майор

– Прости, я не знал – немного с осадком сказал лейтенант

– Не извиняйся – довольно просто промолвил Давид.

Офицеры на несколько минут притихли, и никто не решился начать разговор вновь. Через минуты три, допив коньяк в своем стакане начал Илья:

– Так ты никого, значит, не потерял по вине этого подонка? – неуверенно, и, с сомнением, спросил он.

– Я потерял всё – сказал Давид, после проведя немного по краю стакана, затем продолжил, – давай закроем эту тему, не хочу говорить об этом, мне тяжело вспоминать.

– Хорошо, как скажешь – немного с опаской поддержал идею друга Илья.

Дальше бывшие сослуживцы говорили только о мелочах, которые не нуждаются в представлении. Лейтенант понимал, что тему войны лучше больше не поднимать за этим столом, человек, сидящий перед ним, сыт по горла такого вида историями. Допив бутылку, они посидели ещё часа два, и пошли спать в свои купе. Завтра их ждала другая жизнь, кому приятная, кому не особо, но сейчас они спокойно спали и не ду-

мали о завтрашнем дне.

Колёса громко отстукивали мелодию пути, – так-так, так-так, так-так, так-так, и уносил их поезд всё дальше и дальше. Засыпать в состоянии такой расслабленности одно удовольствие. Алкоголь дарил беззаботность, после чего восприятие реальности становилось немного проще, а звуки поезда, своей монотонностью усыпляли пассажиров. Илья спал в форме, этим вечером ему было совершенно неважно её завтрашний внешний вид. У Давида форма висела на вешалке.

Поезд доехал до конечной станции, и люди стали покидать вагоны, за ними вслед вышли два офицера.

– Ну, Илья, прощай, может, ещё свидимся – сказал Давид, с тоской на душе, ему было грустно расставаться с новым другом.

– Прощай Давид, удачи тебе в службе – также тяжело сказал слегка помятый лейтенант.

Они обнялись и разошлись в разные стороны.

Давид понял, что жить нужно хотя бы ради общения, оставлять таких людей на этой земле – грех. Вначале он обрадовался, что Илья будет служить в другой части, но сейчас ему грустно, ведь, скорее всего они больше не увидятся, а таких друзей не везде встретишь.

Штерн подошёл к автобусной остановке, и через несколько минут запрыгнул в потрёпанный автобус. Он вошёл в салон, оплатил билет и сел на заднее сиденье возле окна. Майор заснул.

Глава 4

Автобус подъехал к остановке, и Давид вышел из него, укрывшись простым чёрным плащом, который полностью закрыл форму. Вдали виднелся большой флаг Аделаиды, там была военная часть. Пока что город не вызывал таких же чувств, какие он вызвал, когда Штерн возвращался с войны. Проходя мимо домов, можно было понять, что жить в них испытание не из лёгких. Обветшалые и разбомбленные дома, старые и серые, с большими щелями в стенах, в общем, обычный образец города, находящегося на границе двух враждующих стран. Хотя судя по виду части, она была построена после войны. Он направился к ней, думая лишь о том, где бы ему сейчас выпить.

На КПП виднелась табличка: " Часть военного назначения номер сто двадцать три». Давид подошёл к воротам, и из будки сразу выскочил солдат:

– Вы по какому вопросу? – бесцеремонно начал он.

Давид достал документы и вручил их ему. Солдат, с двумя лычками на погонах в звании младшего сержанта, стал раскрывать папку, недоверчиво глядя на мужчину в чёрном плаще. Но после того как он прочитал приказ, и подняв взгляд, увидел немного видневшийся из-под плаща китель, он понял, что совершил ошибку в виде такого грубого ответа. Также младший сержант понял, что его недавний стиль раз-

говора здесь совершенно неприемлем.

– Извините, товарищ Майор – уже в другом тоне сказал он, открывая ворота.

Давид забрал у него из рук папку и прошел мимо, оставив на своём лице ехидную улыбку, ведь он специально разыграл этот спектакль. В мире много приятных вещей и одна из них это смотреть на людей, которые попадают в нелепые ситуации и изменяются на глазах, словно страшный большой лев вдруг превращается в маленькую мокрую мышку. Жизнь на деле пресная, её надо постоянно приправлять острыми моментами. Офицеру это иногда удавалось.

Штерн оказался внутри части, на удивление она была не такой, какой он себе её представлял. Все было ухожено и опрятно. Давид вспомнил свою первую часть, в которой ему приходилось служить, она была очень похожа на эту, майор почувствовал себя, будто он здесь когда-то уже бывал, и от этого стал чувствовать себя немного увереннее.

Командира части уведомили о том, что приедет Майор со штаба, поэтому он уже стоял и ожидал Давида возле первой казармы. Увидев человека, который, не переставал, таращится по сторонам, он направился к нему. Штерн заметил его и отдал честь:

– Здравия желаю, товарищ подполковник.

– Вольно, – приветливо отозвался тот, – ну что, товарищ Майор, проверять нас приехали? – с улыбкой произнес командир части, дав знак, что их отношения на данный момент

имеют характер личных. В подтверждение этому подполковник протянул руку.

– Да нет, товарищ подполковник, какое там, служить пока – пожимая руку, ответил Штерн, с небольшой ухмылкой.

– Вот и славненько, – отвечал подполковник, боясь обидеть почётного гостя, – вы переходите в мое распоряжение и являетесь с этого момента заместителем командира части по воспитательной работе – с гордостью сказал он, возвеличивая себя, на фоне нового заместителя.

– Так точно, товарищ подполковник.

– Представьтесь, пожалуйста, майор, – обратился он к Давиду.

– Давид Лаврентьевич Штерн, товарищ подполковник.

– Так вот, Давид Лаврентьевич, со своей правой рукой мне будет неудобно общаться по уставу, поэтому иногда обойдёмся именем и отчеством, но и устав чтить, тоже не забываем. Меня звать Андрей Степанович – сказал он, и улыbnувшись приподнял левую бровь, сделав многозначительный вид.

– Хорошо, Андрей Степанович, у нас просто не принято так в штабе, было – говорил человек, для которого устав был стилем жизни.

– А вы уже не в штабе, вы в простой части, где все вам рады – приветливо сказал Андрей Степанович, всё не понимая, правильно он себя ведёт или нет. «Может это и вправду проверка – думал он, – Хотя в рапорте было только о баналь-

ном переводе, хм... странно» – Идёмте, я вам лучше покажу ваш кабинет, в котором вы будете работать на благо Аделаиды и служить ей верой и правдой.

Следуя за ним, Штерн о чём – то возвышенном вовсе не думал. Он осматривался и надеялся, что, судя по этой части, наверное, и весь Люстиг стал иным, а не таким как раньше, ужасным и убогим.

Они вошли в здание и прошли влево по коридору. Затем Подполковник остановился возле одной двери, и, достав из кармана большую связку ключей, открыл её. Кабинет был тесноват, по сравнению со старым штабным кабинетом Давида, но все же не так уж и плох. Он был с окном и большим столом, который располагался посередине, а справа от него был кожаный диванчик. Давиду понравился кабинет, потому как человек он по природе был непривередливый.

– Вот располагайтесь, я так понимаю, вы сразу к нам, прямо с вокзала? – заинтересованно смотря на гитару, которая виднелась на спине Давида, спросил Андрей Степанович.

– Да я решил не медлить и сразу отправился сюда – сказал Штерн

– Люблю боевой настрой в людях, значит, сработаемся – напомнил ещё раз командир части. – Ну ладно, вы тут сами разберётесь, сегодня можете не работать, так, просто пока познакомьтесь с самой частью – сказал он, потихоньку направляясь в сторону двери, а после добавил:

– Ну, если захотите все же направить силы в нужное русло

заходите ко мне – протягивая руку, сказал Андрей Степанович.

– Я зайду через час – сказал Давид, в ответ, пожав руку.

– Хорошо – улыбаясь, сказал Подполковник.

Командир части ушел, а Штерн стал разглядывать свои «хоромы». «Да уж, лучше и не придумаешь» – подумал он. Как ни крути, нельзя было поверить, что это гиблое место и вправду стало немного другим. На столе лежала папка, Давид открыл ее, и убедился, что там не было ровным счётом ничего интересного, а именно подсчёты материальной базы части за прошлый месяц. «Наверное, прошлый зам разгребал это» – сказал вслух Майор. Он немного полистал папку, все сходилось, хотя чему там не сходится, кому сейчас нужно воровать лопаты? Давид понял, что теперь он будет заниматься этой рутиной пока не уедет отсюда. Тоска...

Пока Давид примирялся со своей судьбой, в главном штабе царил хаос, на самом деле Штерна отправили в другую часть не по заданию, а по приказу самого президента. Просто он мешал полковнику и всей верхушке, как и многие другие. Сейчас в главном штабе не было высококвалифицированных офицеров, там остались только те, кто тупо исполнял приказы и был способен анализировать и иногда включать мозги, зато являлся для власти идеальным материалом.

Во времена диктатуры Виктории, Аделаида была частью империи. Поэтому истребление женщин в частности произо-

шло по вине именно Виктории, и об этом постоянно напоминает страна, где родился и живёт Давид. И плевать, что в стране всё уже совсем не так, правительство заботят лишь ресурсы и жажда глупой мести, которая таится в сердце правителей Аделаиды. Поэтому министры Софии решили придумать «Луковское соглашение», которое бы запрещало устраивать какие-либо боевые действия против той или иной страны, пока та не выйдет из него. Виктория вышла из соглашения, даже не объяснив причин, а всем остальным сказали, что из-за скандала, ведь это было выгоднее. Настроить людей против тех, кто не считается с ними значительно проще, чем с нейтральными людьми.

Поэтому президент Аделаиды отдал приказ подготовки к военным действиям против Виктории, совместно с Софией. Совещание уже давным-давно было завершено, и присутствовали на нем два президента и генералы. А в том числе и тот грозный старичок, который поведал всем сказку про «Гиртид-01» и о договоре с Софией. Являлось правдой в его рассказе только то, что Виктория и правда вышла из «Луковского соглашения» и представляла сейчас очень сильную опасность для других государств. Чтобы не было бунта и протестов, всех компетентных офицеров отправляли в маленькие городки, чтобы они не испортили все планы. Ведь планы в головах этих властителей были ужасными. Вот почему на место Давида поставили тупого исполнителя. Главы государств разделили свою операцию на четыре этапа, это

был первый из них, каким же будет второй...

Давид проглотил в местном чипке, какую то гадость и двинулся к подполковнику. Мимо него проходили солдаты, все как на подбор, своим видом они внушали уважение и гордость. «Не такая уж она и плохая» – подумал о части ещё раз Штерн, после чего вошел в штаб. Он постучал в дверь:

– Войдите – грозным басом сказал голос.

Давид вошёл и закрыл за собой дверь.

– Давид Лаврентьевич, это вы, я уж подумал опять какой-нибудь раздолбай стучится, садитесь – говорил нейтрально Андрей Степанович, всем своим видом показывая неимоверную занятость. Подполковник был настолько погружен в работу, что отвёл взгляд от бумаги лишь на мгновение, чтобы только посмотреть, кто к нему пришел.

Майор сел в кресло и ждал приказов, потому как заняться чем-то кроме работы, ему даже не приходило в голову. Несмотря на то, что работёнка нудная, но это хоть какое-то дело, а просто сидеть на диване..., Давид был не из таких.

– Вот, пришло распоряжение – подполковник доставал, не глядя документки из папки, лежащей на краю стола. – Вам предстоит съездить с солдатами на показательные стрельбы, мы будем соревноваться со сто двадцать второй частью, но это через неделю, а пока вы должны их привести в порядок, подучить отстающих, напомнить знающим, в общем, послезавтра выезжаете на тренировочные стрельбы.

– Хорошо, товарищ подполковник, но мне бы работу на сегодня... – просил майор

– Ах да, – ответил подполковник, будто его осенило, – вот вам характеристики на бойцов, их нужно заполнить, как положено, по форме, а тут накалякали хрен пойми как. Если не достаёт какой-то информации, архивы в вашем распоряжении, также рекомендую провести беседу с каждым бойцом сегодня и завтра, рота, с которой вам работать – пятая. Вы должны все заполнить до учебных стрельб, потом у вас другие задания будут. Если проиграем, с нас снимут статус показательной части нашего округа, так что постарайтесь. А сейчас идите к ротному и возьмите у него характеристики.

– Разрешите идти, Андрей Степанович?

– Идите Давид Лаврентьевич, выполняйте приказ – сказал он и теперь уж с головой погрузился в свои бумаги.

Командир части немного изменился, наверное, ему позволили сверху и отчитали за что-то. Он был хмурым и серьёзным, совсем непохожим на человека, который встретился Давиду утром. Теперь он был сконцентрирован только на работе, не отлучаясь от неё ни на минуту. Андрей Степанович был человеком старой закалки, и сразу было видно, что получал образование ещё в мирное довоенное время, потому как последний выпуск офицеров произвёл на свет довольно таки ленивых и малокомпетентных людей, которые совершенно ничего не понимают ни в службе, ни в ведении документации. За исключением был только костяк специалистов

из главного штаба, ведь попадали туда только лучшие. Андрей Степанович был достоин там работать, ведь к выполнению своих обязанностей он подходил очень ответственно.

Штерн так отвык от такой службы, ведь, в штабе служба совсем иная, там бумаги заполнил и всё, гулять можешь, есть чем заняться помимо работы, а тут..., рабочий день до восьми вечера и никуда ты не денешься. Хотя и Штерн не особо дорожил свободой, которая была у него в штабе, но такой расклад ему был тоже чужд. Он казался ему неправильным, так как он лишал людей мотивации работать быстрее, а не растягивать до конца дня плёвое дело.

Давид сходил к ротному, это был темный паренёк лет двадцати пяти, из более приметного, на руках у него были очень глубокие шрамы, а на правой руке и вовсе не было безымянного пальца. Взгляд его таил какую-то загадку, внушающую мысль, что офицер был неординарен и, наверное, отличался чем – то от общей серой массы. И, наверное, поэтому он был немного хмурым. Капитан дал Штерну огромные папки, и тот двинулся их заполнять. Дальше его ждала мучительная работа, беседы сегодня он решил не устраивать. «Заполню, какие есть, а другие завтра» – говорил он себе.

Давид закончил работу в девять, что было больше рабочего дня. С непривычки он не смог сразу включиться в работу, поэтому частенько отвлекался. Штерн безумно устал, у него не было желания не читать, не писать, не пить, он просто хотел спать. Он нигде ещё не поселялся, поэтому предпочел

ночевать прямо в своём кабинете. Давид снял обувь и бухнулся на кожаный диванчик, выключив настольную лампу. Майор был слишком уставший, чтобы заставить себя поужинать, да и есть было нечего. День начинался прекрасно, но закончился очень тяжело. Давид спустился с небес, и теперь он, простой смертный, должен вкалывать как проклятый, независимо от его прошлых заслуг.

Засыпая, он ни о чем не думал, проработав так один день, Давид ушел от реальности. Ему на мгновение показалось, что войны не было, а он тот самый салага, который весь день тренировал свой взвод и устал, как собака. Казалось, что сейчас из ванной выйдет его прекрасная жена и ляжет на этот диван рядом с ним, представив, что это то сказочное семейное ложе, всегда теплое и уютное.

Глава 5

В дверь кто-то постучался, Давид сонный и ещё непонимающий, что происходит, открыл ее. Гостем в столь ранний час оказался Андрей Степанович.

– Значит, не показалось – сказал он, войдя в кабинет. – Что же вы в части ночуете? Не положено – говорил он с наигранной укоризной.

– Простите, Андрей Степанович, – сонным голосом отвечал Штерн, – не успел найти квартиру.

– Что же вы мне сразу не сказали? – возмущённо и строго спросил он, у нас для всех приезжих офицеров есть служебные квартиры, зачем искать?

– Я не знал, товарищ подполковник – ответил майор.

– Не знал он, – огорчённо повторил слова майора Андрей Степанович, – вы не забывайте, что моя часть это вам не ваш штаб, здесь я забочусь о своих подчинённых, и я для них не только командир, но и отец родной, так что имейте это ввиду.

Командир части немного помолчал, и сказал, уже более мягко:

– Ладно, Давид Лаврентьевич, сегодня я позвоню куда надо и выбью вам жильё, работайте – сказал он и исчез.

– Покорно благодарю вас, товарищ подполковник –отреагировал на идею командира части Штерн.

Андрей Степанович ничего не ответил на слова благодарности, а просто покинул комнату своего подчинённого, где было сильно душно и пахло сигаретным дымом. Ему нужно было найти обещанное жильё, которое и так было на исходе. Он всегда завидовал сто двадцать первой части, там для офицеров строили специальные общежития. Офицеров постарше переселяли в ухоженные и чистые квартиры. Часть, в которой несёт свою нелёгкую службу Давид, не имела таких возможностей.

Давид немного ещё посидел, бездумно вглядываясь в стену, и стал думать о задании. Чувствовал он себя очень плохо, он был уже разбитым и уставшим. Диванчик был короче его тела, и поэтому ему пришлось спать, скрючившись в три погибели. Спина его болела, а ноги были уже непригодными для передвижения. Но это не самое плохое, из головы не выходил какой-то странный сон, который приснился ему сегодня. Давиду снилось, что он весь побитый и израненный бредёт по какой-то пустыни. Песок, почему то красный, на небе сквозь дымку светит ярко красное солнце, очень хочется пить. Вокруг нет ни единой души, но вдруг повернувшись, он замечает вдалеке женский силуэт. Он кажется ему, почему то знакомым, и Давид бежит к этому mirажу, и что то кричит. Однако силуэт остаётся на таком же далёком от него расстоянии и, не смотря на крик, даже не поворачивает головы, а приблизится к нему не удаётся ни на метр, с какой бы силой майор не бежал в его направлении.

Штерн выпил два стакана воды из графинчика, она была теплой и невкусной. Стол был завален всякой макулатурой, характеристики валялись, где попало, перепутанные и недописанные. Он отсортировал от этой кучи законченные и стал складывать по разным папкам те, с которыми ему ещё придется поработать. Их было пятнадцать, не так уж и много: «За часа два справлюсь» – подумал он, заканчивая уборку.

Давид решил немного взбодриться прогулкой по части и заодно позавтракать в местном чипке. Он оставил все на столе, и вышел из кабинета. На улице было тихо и спокойно, солдат не было. Давид посмотрел на часы, время было без пяти минут восемь. «Ах, точно, сейчас же завтрак» – вспомнил Майор. Он прошел мимо столовой и увидел там целый взвод парней в камуфляже. Возле нее было очень шумно, и там царила бурная жизнь. Давид улыбнулся и пошел дальше, пуская никотиновый дым.

В чипке он купил себе порцию картофельного пюре, две котлеты и стакан сладкого чая. Штерн всегда плотно завтракал, ведь такой прием пищи был залогом успешного трудового дня. Ел он всегда быстро, эта привычка появилась с того времени, когда Давид ещё был в училище, ведь все солдаты едят быстро, потому как время было ограничено, а аппетит был хороший, поэтому каждый норовил съесть весь свой паек, не оставив ни ложки супа, ни крошки хлеба. Хорошая эта привычка или плохая? Бог её знает, понятно было только одно, что майору понадобилось закончить прием пищи при-

мерно за восемь минут.

Выйдя из чипка, он отправился в роту, солдаты были уже там. Они стояли в строю перед ротным и взводными, Давид прервал ротное мероприятие. Он попросил зайти чернявого и хмурого капитана в кабинет.

– Так, а вы! – в приказном тоне сказал он взводным, – продолжайте.

Они зашли в кабинет и капитан сказу задал вопрос, в форме, не очень похожей на уставную:

– Чем обязан – сказал он, ожидая ответа старшего по званию, затем добавил, – товарищ майор.

– Солдатики твои нужны, для бесед, я их характеристики заполняю – ответил Давид, которому явно была не по душе небольшая дерзость со стороны капитана.

– Если нужны, то будут, после обеда я их по одному пришлю к вам, хорошо? – риторически спросил чернявый капитан.

– Мне они сейчас нужны, зачем мне они после обеда, я ничего не успею. Они что, сейчас у тебя слишком заняты? – уже пользуясь своей должностью, в строгом тоне спросил Давид.

Капитан немного оживился, он не ожидал, что этот вчерашний педантичный и интеллигентный офицер, сегодня может быть и вправду его начальником.

– Капитан, я задал вопрос, они сейчас чем-то заняты? – снова спросил Штерн, зная, что они совершенно свободны, и что ротному просто нужно немного потешить себя неболь-

шой властью. Но также он знал, чем может обойтись для капитана невыполнение его распоряжения.

— Нет, товарищ майор, — начал было оправдываться капитан, — через четверть часа, я пришлю к вам первого солдата, дайте список тех, кого нужно прислать.

— Другое дело, капитан — сказал Давид, доставая из кармана список, — держи. После этих слов Штерн ушел, он не видел смысла дальше продолжать разговор с ним.

Вот как бывает, приятный человек, который приветливо общался, может оказать слишком дерзким и наглым. Наверняка он думал, что Давид выполняет лишь функцию бюрократа, но это было совсем не так. Хоть и майор уже давно не был строевым офицером, он никогда не терял хватку. Война сильно отразилась на нём и воспитала в характере черту — выживать в любой среде при любых обстоятельствах. Давид не держал зла на капитана, просто он вспоминал себя в его возрасте, такой же, против всех и только за себя. Тем более власть и правда опасная штука, она словно наркотик, попробуешь один раз и всё, ты сам стал ее рабом, тебе каждый день нужно будет восстанавливать запасы этой энергии. Несмотря ни на что он понимал командира роты.

Строгость Давида пошла на пользу, и первый солдат пришел через пятнадцать минут, как они и договорились. Штерн задавал каждому одни и те же вопросы, на которые ему нужен был ответ. Наличие живых родственников, национальность, кому-то даже пришлось задавать вопрос, сколько ему

лет. Досье были отвратительно заполнены. Но солдаты спасали Давида, отвечая быстро и информативно, все это было из-за правильного и строгого воспитания. Военный человек отличается от гражданского тем, что его переделали так, как нужно государству. Его даже не просто воспитали так, его сущность сломали об колено, ведь человека, который родился для чего угодно, но только не для убийства, учили именно последнему. Да, нельзя сказать, что гражданские вообще не воспитываются страной. Им тоже вливают в голову целое болото пропаганды. Людям издалека советуют, как нужно правильно жить, и что нужно для этого делать, но военные страдают больше.

Такое ощущение, что солдаты шли беспрерывно, прошло часа два, и Штерн уже закончил работу, осталось лишь все правильно оформить и сдать подполковнику. Сегодня день оказался легче, чем вчера, работы было значительно меньше. Давид решил прогуляться сегодня по Люстигу, если успеет.

Тем временем в главном штабе...

– Войдите – сказал генерал.

– Товарищ Генерал, полковник Хольт по вашему приказанию прибыл – сказал командир главного штаба.

– Да-да, заходи – произнес тот старичок, который выступал недавно в штабе – хотел поинтересоваться, как там первый этап, ты выполнил задание?

– Ещё нет, осталось совсем немного офицеров – боясь, ответил он, – в течении этой недели все будет сделано.

– Отлично, полковник, с такими успехами скоро генералом станешь – смеясь, сказал старик.

– Я могу идти? – говорил будущий генерал, который хотел поскорее уйти из этого кабинета.

– Свободен – немного с отвращением сказал старший по званию.

Полковник отдал честь и ушел. Хотя в данной ситуации было непонятно, офицер отдал честь, приложив руку к виску, или он вообще отдал честь как таковую, выполняя данный приказ.

Прошел ещё час и Давид полностью завершил свою работу на сегодня. Офицер вновь почувствовал себя настоящим, свободным среди рабочего дня. Он отправился в кабинет к подполковнику, попросившись уйти сегодня пораньше. Штерн подошёл к двери и постучал:

– Войдите – сказал голос с другой стороны двери.

Давид вошёл, держа в руках большую кипу готовых документов.

– Ах, Давид, заходи, – сказал он, перейдя уже границу личного общения – быстро ты управился.

– Вот Андрей Степанович, все сделано и готово для дальнейших целей – сказал Майор, гордясь своим трудом.

– Так держать – сказал, обрадовавшись, командир части – но я тоже не с пустыми руками – договорил он, достав из верхнего шкафчика своего стола, выполненного из самого качественного дуба, связку ключей. Подполковник передал

ключи Давиду и сказал:

– Ключи от твоей новой квартирки, там, на брелке адрес, поэтому не теряйся – сказал Подполковник, приветливо смеясь.

– Спасибо, товарищ Подполковник – ответил Штерн, разглядывая ключи – а раз уж я закончил работу на сегодня, можно мне пораньше уйти, как раз и в квартиру заеду.

– Ладно, – усмехнулся он, – езжай, хороший и быстрый труд нужно поощрять – немного с ноткой одолжения сказал Андрей Степанович.

– Спасибо, товарищ Подполковник, так значит..., протяжно говорил Давид – я могу идти?

– Да, можешь быть на сегодня свободен.

Давид отдал честь и скрылся за темной сосновой дверью, немного радостный, немного загадочный.

Из парадных ворот выходил человек, на спине у которого виднелась гитара. Давид достал из кармана ключи и внимательно посмотрел на брелок. На нем был выбит адрес: улица Зеркальная 9, квартира 58. Не задумываясь ни о чем, Штерн двинулся туда. Путь лежал через семь остановок на местном автобусе, метро в этом городе, к сожалению не было. Он смотрел в окно и наблюдал, как же резко стал меняться облик города после третьей остановки. Мужчина, похожий на какого-то артиста, выступал в кителе, возле остановки, напевая публике военные песни. Давид вышел из автобуса и увидел совсем другой город...

Призрачный и серый, ужасный и отталкивающий. Пройдя по улице, он был поражен..., поражен тем, что он был все же прав насчёт Люстига. Улицы были пустыми, многоэтажки были практически заброшены, лишь в нескольких окнах виднелся свет. Пройдя мимо мрачного здания, на котором виднелась вывеска: «Аффинажный завод», который естественно тоже был заброшенным, он увидел собаку, которая лежала возле ворот, на ней было немного прошлогодней листвы, а сама она была насквозь мокрая. Из под её уже прогнившей местами шкуры виднелся желтоватый скелет, она смотрела на этот мир пустыми глазницами, но, несмотря на это была похожа просто на спящую, которая дремлет уже очень давно. Давид призадумался, кому сейчас лучше? Мертвому животному, которое больше не видит этот ужасный мир или ему, человеку без будущего. Интересный вопрос.

Давиду стало не по себе, он был потрясён «таким» городом. Казалось, что люди здесь также могут лежать, как и та псина. Картина была жуткая.

Он дошел до своего дома и ждал худшего, Давид думал, что сейчас в подъезде будет валяться труп человека, разлагающийся от времени и сырости. Но к счастью этого не произошло. Войдя в подъезд, он ничего такого не увидел. Лифт не работал, что было предсказуемо, поэтому он стал подниматься по лестнице вслепую, ведь лампы не работали. Штерн проходил этаж за этажом и наконец, добрался до квартиры

под номером «58». Напуганный человек всунул ключ в замок, и дверь открылась. Зброшенная однокомнатная квартира, вот что являлось новым жильем офицера. Он скинул вещи на диван пропитанный сыростью, который стоял в единственной комнате. На стенах были старые и выцветшие обои, возле окна стоял пустой письменный стол. В комнате висела люстра, из которой была выкручена лампочка, и Давид направился на кухню, где к великой удаче, находилась целая и невредимая лампочка. Тогда он сразу решил проверить есть ли в квартире электричество. Он нажал на кнопку, находившуюся на стене, и свет осветил ужасную комнату. «Слава Богу, хоть свет будет» – сказал вслух Давид. Кухонька была небольшая, в ней была плита, покрывшаяся ржавчиной. Штерн подошёл к ней и крутанул колёсико левой конфорки, индикатор работы не горел, но плита стала нагреваться. Здесь же был деревянный стол, на котором кроме чайника ничего не было, ещё была мойка и кухонный гарнитур, в котором Давид нашёл очень много посуды, что было весьма странно. Он достал пыльную чашку и промыл её водой из крана, чтобы попить. Вода была с резким вкусом ржавчины, и, сделав два глотка, Штерн вылил оставшуюся воду в раковину. В раковине был засор, и поэтому вода уходила в канализацию очень медленно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.